

УДК 903(571.6)

УОЛБИНСКАЯ ТРАДИЦИЯ ПЛАСТИНЧАТЫХ НАКОНЕЧНИКОВ (СЕВЕРО-ВОСТОК РОССИИ)

С. Б. Слободин

*Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт
им. Н. А. Шило ДВО РАН, г. Магадан
E-mail: archaeol@neisri.ru*

Дана обобщающая характеристика раннеголоценовой уолбинской традиции пластинчатых наконечников Северо-Востока России, выделенная автором на основе открытых и исследованных им материалов на Верхней Колыме и анализа других материалов на Северо-Востоке Азии. Рассмотрена история ее изучения, проанализированы проблемы, связанные с ее выделением и идентификацией с учетом данных по археологии Якутии, Чукотки и Камчатки. Определены территория распространения этой традиции, ее возраст, орудийный набор и наиболее характерные для нее изделия. Проведена корреляция материалов этой культуры с другими культурами раннего голоцена.

Ключевые слова: уолбинская традиция, ранний голоцен, мезолит Северо-Востока Азии, пластинчатые черешковые наконечники, археология Колымы, Якутии, Камчатки и Чукотки.

ВВЕДЕНИЕ

Около 11000 л. н., в конце плейстоцена, на Северо-Востоке Азии произошли существенные изменения климата, животного и растительного мира. Начавшееся потепление привело к таянию ледников, увеличению влажности и превращению плейстоценовой тундростепи в кочкарные тундры и болота, непреодолимые для большинства животных мамонтового комплекса, древесная растительность в раннем голоcene продвинулась на север вплоть до современного побережья Восточно-Сибирского моря. Зимой стал формироваться глубокий снежный покров, препятствующий доступу животных к корму. Мамонтовая фауна частью вымерла, частью мигрировала в более благоприятные районы; основными видами травоядных животных, адаптировавшихся к новым условиям, стали олень в тундре и лось в таежной зоне (Томирдиаро, 1980; Шер, 1997).

Перемены в природе в конце плейстоцена – начале голоцена привели и к кризису хозяйства существовавших на Северо-Востоке Азии в конце плейстоцена палеолитических охотников, культура которых сменяется новыми мезолитическими раннеголоценовыми культурами с ярко выраженной микролитизацией инвентаря и преимущественным использованием сколотых с конических и призматических нуклеусов мезо- и микропластинок, служивших для изготовления орудий (Мочанов, 1977; Диков, 1979; Слободин, 1996а, 1999).

Археологические исследования на Северо-Востоке Азии в 1960–1980-е гг. позволили выделить несколько культурных традиций, существовавших здесь в раннем голоcene: сумнагинскую (Мочанов, 1977), сибердиковскую и ушковскую мезолитическую (Диков, 1977, 1979, 1996).

Исследования ряда новых археологических памятников, выявленных на Верхней Колыме (Уи, Придорожная, Агробаза II, Конго-78, ИНГ-78), привели к выделению в этом районе нового, ранее неизвестного на Колыме и на всем Северо-Востоке Азии раннеголоценового культурного комплекса с черешковыми пластинчатыми наконечниками (Слободин, 1996б).

Вопрос о времени появления черешковых пластинчатых наконечников на Северо-Востоке Азии, районе их распространения и культурной принадлежности является предметом многолетних дискуссий археологов с момента обнаружения их на стоянке Уолба (Окладников, 1946, 1950, 1955; Мочанов, 1969, 1977; Диков, 1971, 1979; Федосеева, 1968, 1980; Кашин, 1983; Алексеев и др., 1988; Аргунов, 1990). Пластинчатые наконечники всегда рассматривались как наиболее ранние типы наконечников в голоcene Северо-Востока Азии (Окладников, 1955; Мочанов, 1977; Кашин, 1983; Хлобыстин, 1998; Диков, 1979). Исследования стоянок с пластинчатыми черешковыми наконечниками на Верхней Колыме позволили конкретизировать облик и хронологию и других комплексов на Северо-Востоке Азии с этими наконечниками (Слободин, 1999) (рис. 1).

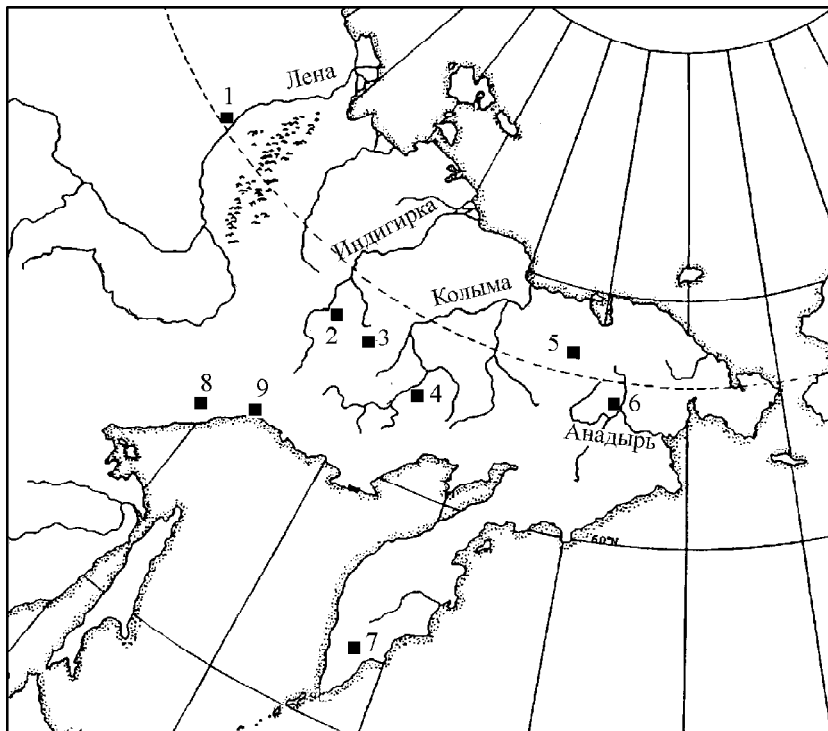

Рис. 1. Расположение стоянок уолбинской традиции: 1 – Уолба; 2 – Юбилейный; 3 – Уи, Придорожная; 4 – ИНГ-78, Конго-78; 5 – Верхнетытыльская VI, Тытыль IV п. 2, Нижнетытыльская IV п. 3 в районе оз. Тытыль; 6 – Усть-Белая; 7 – Авача 1, 9; 8 – Амка; 9 – Кухтуй II

Fig. 1. The map of the Uolba Tradition site distribution: 1 – Uolba; 2 – Yubileyny; 3 – Ui, Pridorozhnaya; 4 – ING-78, Kongo-78; 5 – Verhne-Tytyl' VI, Tytyl' IV L.2, Nizhne-Tytyl' IV L.3 on Lake Tytyl'; 6 – Ust'-Belaya; 7 – Avacha 1, 9; 8 – Amka; 9 – Kukhtuy II

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПЛАСТИНЧАТЫХ ЧЕРЕШКОВЫХ НАКОНЕЧНИКОВ СЕВЕРО-ВОСТОКА АЗИИ

Впервые черешковые пластинчатые наконечники этого типа вместе с концевым скребком на пластине были найдены А. П. Окладниковым (1946. Табл. II, 1, 3) в погребении у оз. Уолба на Нижней Лене в Якутии. Они были изготовлены на крупных ножевидных пластинах подпризматического и подтреугольного сечения из черного кремнистого сланца. Тело каждого наконечника имеет удлиненно-треугольную форму и отделено от черешка четко выделенными плечиками, плавно переходящими в небольшой, двусторонне обработанный черешок треугольной формы. Наконечники имеют различную степень обработки (рис. 3. 1, 2): у одного почти полностью обработана спинка, а со стороны брюшка ретушь нанесена частично по краю и у острия; у другого, наоборот, полностью обработано брюшко, а со стороны спинки – только острие; у третьего наконечника спинка также практически не обработана, а со стороны брюшка отретушированы острие и края боковых граней. Последний наконечник обработан краевой ретушью со спинки по одному краю и со стороны брюшка по противоположно-

му краю. Наконечники обработаны очень аккуратной параллельной ретушью, на спинках видны срединные грани исходных пластин.

Возраст находок А. П. Окладников определил приблизительно III тыс. до н. э., отметив, что они представляют если не самый древний, то один из древнейших, известных на тот момент этапов заселения человеком самых северных районов Северо-Восточной Сибири (Окладников, 1955. С. 114).

С. А. Федосеева (1968), характеризуя древнейший этап развития древних культур бассейна р. Лена, отмечает, что «к древнейшему пласту принадлежат и своеобразные изделия «мезолитического» облика – наконечники стрел на ножевидных пластинах... обычно встречающиеся на самых ранних неолитических памятниках Сибири и Японии». На основе радиоуглеродных датировок установлено, что ранний неолит в Прибайкалье охватывает VI–V тыс. л. до н. э. (Мамонова, Сулержицкий, 1989).

Ю. А. Мочанов (1969), разработавший периодизацию древних культур Якутии, первоначально считал, что «основанием для отнесения могильника [Уолбинского] к раннему неолиту служат пластинчатые наконечники» (Мочанов, 1969. С. 148). Однако явное несоответствие уолбинских наконечников материалам раннеолитических и более поздних комплексов Якутии позволило говорить об их раннеголоценовом возрасте. Предварительно подтвердив, что «до сих пор даже при самых обширных раскопках наконечники стрел на сумнагинских стоянках в четких стратиграфических условиях не встречаются», Ю. А. Мочанов (1977. С. 246–248) заключает, что «к сумнагинской культуре со временем можно будет отнести по крайней мере часть пластинчатых наконечников, обнаруженных на различных стоянках Северо-Восточной Азии, но четко пока не датированных... Вполне возможно, что пластинчатые наконечники стрел, обнаруженные на Лене, Индигирке, Колыме, Чукотке, Кухтуе, могут быть свидетельством каких-то древних связей, существовавших между населением Северо-Восточной Европы и Северной Сибири задолго до III тыс. до н. э. Наиболее активно эти связи могли осуществляться именно в эпоху распространения сумнагинской культуры».

Предлагаемая датировка уолбинских наконечников ранним неолитом недостаточно обоснована. Тщательный анализ опубликованных материалов опорного памятника периодизации каменного века Якутии Белькачи I (Мочанов, 1969) показывает, что пластинчатых черешковых наконечников в слоях, относящихся к раннему неолиту, нет, так же как их нет и в слоях, относящихся к раннеголоценовой сумнагинской культуре, и в других, более поздних слоях среднего и позднего неолита (Слободин, 1999). Анализ материалов сумнагинской культуры археологами Якутского университета также позволило заключить, что «предположение Ю. А. Мочанова (1977) о возможном употреблении наконечников стрел «сумнагинцами» в X–IX тыс. до н. э. до сих пор остается только предположением» (Алексеев и др., 1988).

Отмечается, что на северо-западе Якутии «на заключительной стадии сумнагинской культуры появляются, очевидно, простейшие пластинчатые наконечники...» (Аргунов, 1990. С. 191). На Таймыре пластинчатые наконечники (в том числе и черешковые формы) являются одним из показателей мезолитического возраста стоянок (Хлобыстин, 1998).

Исследования на Камчатке в IV слое стоянки Ушки I, отнесенном Н. Н. Диковым к первой ушковской «мезолитической» или ранненеолитической культуре, позволили определить, что здесь использовались «метательные наконечники с черешком, сделанные из больших пластин, лишь частично ретушированных по краям», и «в ближайшем окружении аналогии этому типу нет» (Диков, 1979. С. 107, 115). Позже пластинчатые черешковые наконечники были найдены и на Чукотке (Жирьяк, 1993. С. 37). Сейчас ясно, что район их распространения значительно шире и включает Верхнее Приколымье (Слободин, 1999) и Индигирку (Кашин, 1983), откуда они, судя по датировкам и типологии, с раннего голоцена распространились на Чукотку и Камчатку.

Выделенный на стоянках Верхней Колымы комплекс с пластинчатыми черешковыми наконечниками уолбинского типа (Слободин, 1996 а, б) позволяет определить культурную принадлежность и возраст как ранее открытых стоянок с пластинчатыми черешковыми наконечниками на Северо-Востоке Азии, так и вновь открываемых комплексов с близкими характеристиками.

МАТЕРИАЛЫ С ПЛАСТИНЧАТЫМИ НАКОНЕЧНИКАМИ УОЛБИНСКОГО ТИПА НА ВЕРХНЕЙ КОЛЫМЕ

На Верхней Колыме материалы с пластинчатыми черешковыми наконечниками уолбинского типа исследованы на стоянках Уи, Придорожная, Агробаза II, Конго-78, ИНГ-78. Стоянки Уи и Придорожная расположены в Оханджийском ар-

хеологическом районе на оз. Уи и Момонтай, у хр. Оханджа в южной части горной цепи Черского (в верховьях рр. Омудевка и Берелех) в Сусуманском районе Магаданской области (Слободин, 1996б). Озера расположены на высоте 1000–1068 м над уровнем моря в зоне лиственничного редколесья, имеют подпрудно-ледниковое происхождение и сформированы за счет вытаивания ледника. Берега озер имеют изрезанные очертания с множеством заливов, островов и мысов.

Стоянка Уи находится на пологой 3–4-метровой террасе северного берега оз. Уи и занимает площадь несколько сотен квадратных метров. На раскопанной площади (около 100 м²) найдено более 5 тыс. находок (каменные орудия и отходы их производства), залежавших в бурой супеси до глубины 20 см. По уголькам, собранным в скоплениях находок, были получены C-14 даты 8695±100; 8810±235 (GX-17066, 17067); 8370±190; 8310±240 (JE-3990, 4652).

Основой каменной индустрии обитателей стоянки было производство конических и призматических нуклеусов (рис. 2, 3–5) для получения с них макро-, мезопластин (рис. 2, 1, 2, 8, 19) и микропластинок (рис. 2, 7, 13, 14), из которых делали наконечники (рис. 3, 15, 16, 17, 18), угловые резцы (рис. 2, 8, 9), ножи на пластинах (рис. 2, 15, 17, 19), ретушированные вкладыши пазовых орудий (рис. 2, 7, 13, 14), проколки (рис. 2, 10). Нуклеусы представлены сработанными экземплярами. Сколотые с них крупные пластины позволяют установить, что они достигали высоты 10–15 см.

Концевые скребки сделаны на пластинчатых отщепах и крупных пластинах (рис. 2, 6, 12). Топор без шлифовки представлен изделием овальной формы с односторонне-выпуклым сечением. Наконечники двух типов: черешковые на пластинах (рис. 2, 11; 3, 15, 16, 17, 18) и бифасиально обработанные треугольной формы (рис. 2, 16).

Микропластинчатые вкладыши указывают на широкое использование пазовых орудий (наконечников и ножей) из кости и рога. Микропластинки, вставленные в прорезанные на костяных орудиях пазы, образовывали каменное лезвие, легко заменяемое при поломке. Специфической особенностью микровкладышей является наличие на них скошенного ретушью края, создающего плавный переход между поверхностью костяного наконечника и лезвием из микропластинок.

Из пластин делали и характерные черешковые наконечники стрел или дротиков уолбинского типа с различной степенью обработки. У одних отжимной ретушью оформлены только острие и черешок, другие дополнительно ретушированы по одному или обоим краям, встречаются и полностью ретушированные. Эти наконечники вместе с другими орудиями являются определяющими при выделении традиции пластинчатых нако-

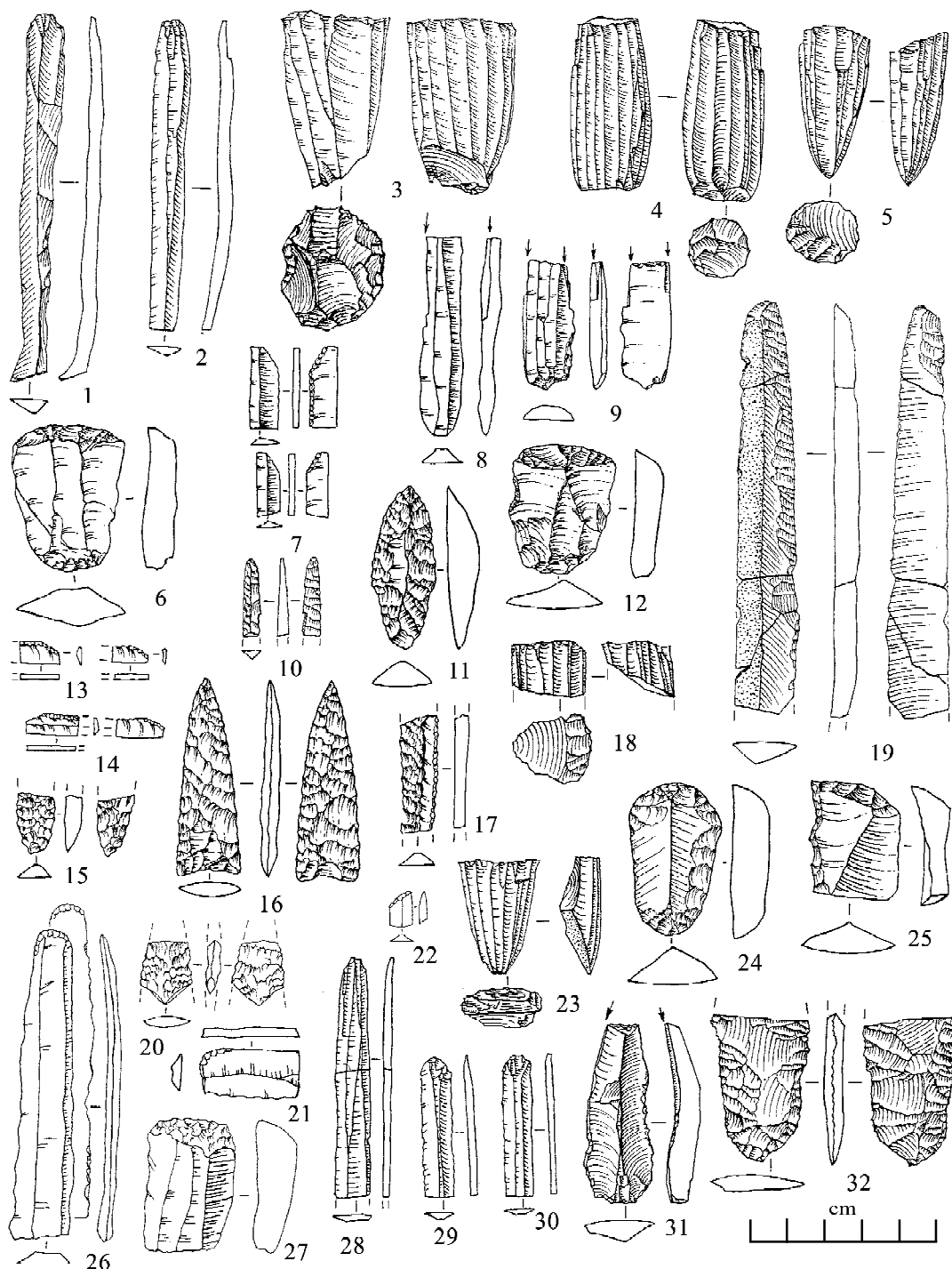

Рис. 2. Каменные орудия стоянок Уи (№ 1–17, 19), Юбилейный (№ 20–22, 26, 27), Конго-78 (№ 18, 23, 28–32), ИНГ-78 (№ 24, 25), (№ 20–22, 26, 27 по: Кашин, 1983)

Fig. 2. Stone artifacts from the sites Ui (№ 1–17, 19), Yubileyny (№ 20–22, 26, 27), Kongo-78 (№ 18, 23, 28–32), ING-78 (№ 24, 25), (№ 20–22, 26, 27 after: Кашин, 1983)

нечников уолбинского типа, распространившейся в раннем голоцене в Якутии, на Колыме, Чукотке и Камчатке.

Остатков фауны на стоянке не найдено. Планиграфия и многочисленность готовых и утилизированных орудий указывает, что это был долговременный жилой и хозяйственный комплекс. Заготовок орудий и первичных отходов их обра-

ботки на стоянке почти нет, преобладают готовые орудия и мелкие отщепы – результат вторичной обработки и доработки орудий. Сырье для производства каменных орудий было местным, хотя редкие для этих мест породы камня поступали на стоянку издалека, как, например, обсидиан, имеющий показатели, близкие обсидиану с севера Камчатки (Слободин, 2007).

Обитатели стоянки занимались охотой на оленей, лосей и, возможно, судя по расположению стоянки на богатом рыбой озере, рыболовством.

На *стоянке Придорожная*, расположенной на западном берегу оз. Момантай, черешковые пластинчатые наконечники найдены в составе разнотипных материалов. Они представлены двумя типами: один сделан на 4-гранной ножевидной пластине с выделенными ретушью черешком и острием и частично ретушированными краями, другой – почти полностью ретушированный, с «вишнями» плечиками, сделан на трехгранной пластине (рис. 3, 19, 20). К раннему голоцену из этого комплекса, вероятно, относятся также крупные, ретушированные по краю пластины и пластинки со скошенным краем, концевой скребок и, возможно, скол отжимной площадки нуклеуса. Одна из дат со стоянки дала возраст 6805 ± 190 (GX-17062).

На *стоянке Агробаза II* фрагменты черешковых пластинчатых наконечников были обнаружены в составе подъемного материала, включавшего ножевидные пластинки, нуклеус и резец на массивной пластине (Слободин, 1999).

Более выразительные находки с Колымы получены со *стоянок Конго-78* и *ИНГ-78*, расположенных в зоне водохранилища Колымской ГЭС (в настоящее время затоплены). Они представлены призматическим, коническим, уплощенными коническими нуклеусами (рис. 2, 18, 23), ножевидными пластинками (рис. 2, 28–30), крупными пластинчатыми отщепами, концевым скребком на отщепе, двойным концевым скребком на пластинчатом отщепе (рис. 2, 24), скребками с приостренным рабочим лезвием (рис. 2, 25), двусторонне обработанным концевым скребком, двусторонне обработанными орудиями листовидной и овальной формы (рис. 2, 32), угловыми резцами на ножевидных пластинах (рис. 2, 31; 3, 14), подвеской из просверленной плоской, овальной в плане гальки, пластинчатыми черешковыми наконечниками. Наконечники уолбинского типа сделаны на крупных ножевидных пластинах, имеющих подтрапециевидное поперечное сечение (рис. 3, 12, 13). Краевой ретушью обработаны только острия наконечников и черешки подтреугольной формы, отделенные от пера небольшими «плечиками». На стоянке Конго-78 найдено также линзовидное в поперечном сечении тесло с шейкой (перехватом) и частично пришлифованным лезвием (рис. 3, 11). Подобные тесла со сходным набором орудий возрастом 6200 С-14 л. н. имеются на стоянках Авача 1 и 9 на Камчатке (Пономаренко, 2000). Яркой особенностью этих стоянок и самым диагностическим элементом, объединяющим их, являются черешковые пластинчатые наконечники.

На основе технико-типологического единства материалов и имеющихся датировок этих стоянок был выделен уолбинский верхнеколымский ран-

неголоценовый комплекс пластинчатых наконечников (Слободин, 1999). Анализ материалов других ранее известных и вновь открытых стоянок с пластинчатыми черешковыми наконечниками уолбинского типа в Якутии (Кашин, 1983), на Чукотке (Кирияк, 2005) и Камчатке (Пономаренко, 2000; Пташинский, 2006) позволяет, объединив их на основе технико-типологического и хронологического единства, выделить на Северо-Востоке России новую раннеголоценовую уолбинскую мезолитическую традицию пластинчатых наконечников, наряду с существовавшей здесь сумнагинской культурой (Мочанов, 1977), представляющей более ранний этап развития мезолита этого региона.

МАТЕРИАЛЫ УОЛБИНСКОЙ ТРАДИЦИИ НА ВЕРХНЕЙ ИНДИГИРКЕ, ЧУКОТКЕ, КАМЧАТКЕ И В ПРИОХОТЬЕ

Наиболее ярким памятником уолбинского культурного пласта в Якутии, после Уолбинского могильника, является стоянка Юбилейный в верховьях р. Индигирка (Кашин, 1983), находящаяся в 260 км от стоянки Уи. Находки залегали в слое красно-коричневого суглинка на глубине 11–14 см. Криогенных нарушений слоя не зафиксировано, и комплекс содержит однокультурные материалы.

Все три наконечника стоянки Юбилейный характеризуются как пластинчатые черешковые наконечники. У всех имеются четко выделенные плечики и треугольный, полностью обработанный черешок. Подобно уолбинским наконечникам со стоянок Уи, Конго-78, ИНГ-78 и др. они имеют различную степень обработки. У двух ретушированы острие и выделенный черешок (рис. 3, 7, 8); у третьего, кроме острия и насада, обработаны со стороны брюшка боковые края (рис. 3, 9). Пластины и орудия на них составляют 81% от всех находок стоянки, а изделия на пластинах – 88% от всех орудий, что соответствует показателям мезолитических стоянок Колымы (Слободин, 1999). На пластинах изготовлены концевые скребки, ретушированные вкладыши со скошенным краем и боковые резцы (рис. 2, 21, 22, 26; 3, 10). Имеются также концевые скребки на пластинах (рис. 2, 27). Наличие этих элементов в материалах стоянки объясняется «сохранением архаичной мезолитической техники» (Кашин, 1983. С. 97). Наличие в комплексе бифасиально обработанного наконечника (рис. 2, 20) полностью исключает ее отнесение к унифасиальной сумнагинской культуре. В. А. Кашин рассматривает ее как ранне-неолитическую, относящуюся к сылахской культуре Якутии, чему противоречит отсутствие в ее материалах керамики, хотя и допускается «докерамическая стадия развития культуры юбилейцев» (Кашин, 1983. С. 98–100). Комплекс в целом находит полную аналогию с материалами стоянки Уи.

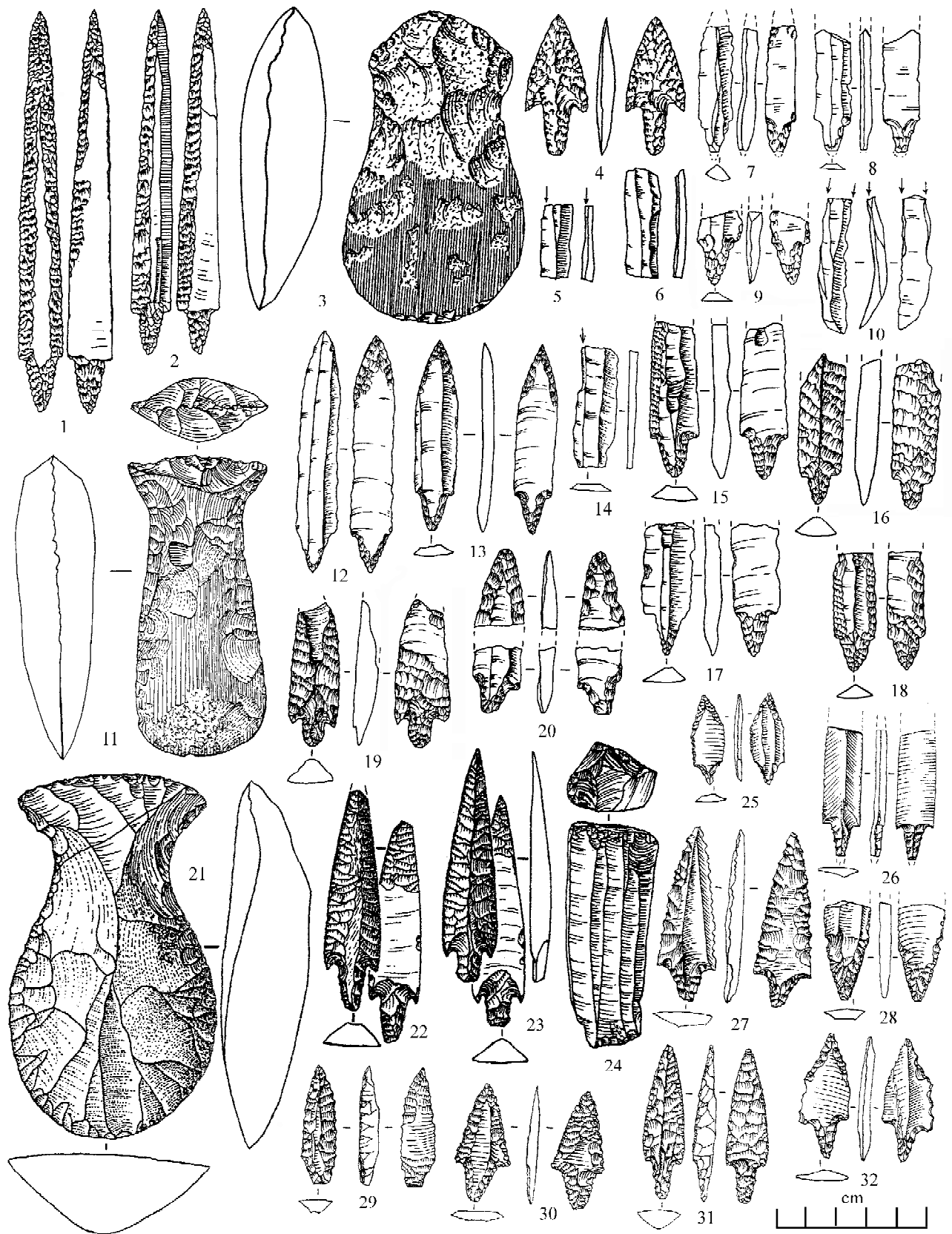

Рис. 3. Сводная таблица каменных орудий уолбинской традиции Северо-Востока Азии (1–32): 1, 2 – Уолба; 3–6 – Амка; 7–10 – Юбилейный; 11, 13 – ИНГ-78; 12, 14 – Конго-78; 15–18 – Уи; 19, 20 – Придорожная; 21–24 – Авача 1, 9; 25–32 – Верхнетытыльская VI (по: 3–10 – Кашин, 1983, 2003; 21–24 – Пономаренко, 2000; 25–32 – Кирьяк, 2005)

Fig. 3. Summary table of the stone artifacts of the Uolba Tradition of the Northeast Asia (1–32): 1, 2 – Uolba; 3–6 – Amka; 7–10 – Yubileyny; 11, 13 – ING-78; 12, 14 – Kongo-78; 15–18 – Ui; 19, 20 – Pridorozhnaya; 21–24 – Avacha 1, 9; 25–32 – Verhne-Tytyl' VI (after: 3–10 – Kashin, 1983, 2003; 21–24 – Ponomarenko, 2000; 25–32 – Kiryak, 2005)

На *Западной Чукотке* уолбинскую традицию пластинчатых черешковых наконечников представляют материалы стоянок Верхнетытыльская VI, Тытыль IV п. 2, Нижнетытыльская IV п. 3 в районе оз. Тытыль (Кирьяк, 2005). В периодизации археологических культур Чукотки эти материалы фиксируют этап позднего мезолита, и по аналогии с колымскими стоянками (Слободин, 1999) они датируются ранним голоценом (Кирьяк, 2005). Орудийный набор стоянок включает, кроме пластинчатых наконечников, призматические и конические нуклеусы, концевые скребки и, возможно, многофасеточные резцы.

Особенно информативные материалы получены со стоянки Верхнетытыльская VI, находящейся на восточном берегу оз. Тытыль (Кирьяк, 2005). Культурный слой выявлен в гумусированной коричневой супеси на глубине 3–25 см и включает более 2 тыс. артефактов. Первичное расщепление представлено коническими и призматическими нуклеусами, микропластинками. Орудия сделаны преимущественно на пластинах – черешковые и листовидные наконечники, концевые скребки, угловые и срединные резцы, имеются и бифасиальные изделия. Тесло представлено заготовкой «с ушками» (Кирьяк, 2005).

Наиболее выразительным компонентом позднемезолитических стоянок Западной Чукотки являются наконечники стрел на ножевидных пластинках, в том числе черешковые (Кирьяк, 2005) (рис. 3, 25–32). Это позволило сделать заключение, что «все присутствующие в комплексе формы находят свои аналогии среди артефактов стоянки Уи <...>. Идентичны и отдельные экземпляры нуклеусов, концевых скребков» (там же). Хотя С-14 датировки для стоянки нет, сходные технико-типологические характеристики материалов стоянок Верхнетытыльская VI и Уи позволили сделать вывод о ее раннеголоценовом возрасте и принадлежности к уолбинскому комплексу (Кирьяк, 2005. С. 84). Положение стоянки около миграционных путей оленей и орудийный набор указывают на охотничью специализацию ее обитателей. Основным объектом охоты был северный олень.

На *Камчатке* материалы, сходные с уолбинской традицией, известны в Ушковской мезолитической культуре и на стоянках Авача 1 и 9, датируемых по С-14 возрастом 7500–6180 л. н.

Ушковская мезолитическая (раннеэолитическая) культура Камчатки выделена по материалам сходных между собой IV и III слоев стоянки Ушки I на оз. Ушки в среднем течении р. Камчатка (Диков, 1979). Ниже, в V–VI слоях стоянки залегают палеолитические материалы с клиновидными нуклеусами. Ее ранний этап (мезолитический, IV слой стоянки Ушки) представлен призматическими и коническими нуклеусами, крупными, ретушированными по краю пластинами правильной геомет-

рической формы, срединными и боковыми резцами на пластинках, скребками на отщепках, двусторонне оббитыми теслами овальной формы и наконечниками нескольких типов: черешковыми пластинчатыми, бифасиально обработанными листовидными и черешковыми, с ромбическим поперечным сечением (Диков, 1979).

Поздний мезолитический – раннеэолитический этап (III слой стоянки Ушки I, стоянки Авача 1, 9) включает призматические и конические нуклеусы (рис. 3, 24), угловые резцы на пластинах, листовидные ножи-бифасы, пластинчатые трехгранные черешковые наконечники (рис. 3, 22–23) и пришлифованные по лезвию тесла с шейкой-перехватом (рис. 3, 21), керамика и полностью шлифованные орудия отсутствуют (Диков, 1979; Пономаренко, 2000).

Н. Н. Диков (1971) первоначально датировал культуру III и IV слоев стоянки Ушки I примерно V–III тыс. до н. э. Полученная позже для IV культурного слоя дата 4200 ± 100 л. н. (МАГ-132) (Диков, 1979) не отвечала ни его стратиграфическому положению в разрезе ушковских стоянок, ни технико-типологическим характеристикам комплекса и сейчас может быть отброшена. Нижележащий V культурный слой был датирован временем около 9000–8000 л. н. Определено, что вулканический пепел, разделяющий III и IV культурные слои стоянки Ушки, относится к извержению вулкана Хангара (Центральная Камчатка), происшедшему 6957 ± 30 л. н. (Кренке и др., 2011). Залегающая ниже прослойка гумуса, включающая IV культурный слой (Диков, 1977), имеет дату 7650 ± 80 л. н. (Goebel et al., 2003). Все это позволяет датировать камчатскую мезолитическую культуру по меньшей мере самым началом V тыс. до н. э., как это первоначально и предполагал Н. Н. Диков (1971. С. 19). Ее нижняя граница датируется, очевидно, концом или даже серединой VI тыс. до н. э. Верхняя хронологическая граница камчатского мезолита, или начало раннего неолита, определяется датой 6180 л. н. со стоянки Авача 1.

Стоянки Авача 1 и 9, где найдены пластинчатые черешковые наконечники, подобные уолбинским, расположены в долине р. Авача (в 40 км от ее устья), на второй 8–12-метровой эрозионной террасе. На стоянке Авача 1 пластинчатые черешковые наконечники присутствуют в однокомпонентном несмешанном комплексе с коническими и призматическими нуклеусами, концевыми скребками и пришлифованными теслами с перехватом (Пономаренко, 2000). Исходной заготовкой для наконечников были трехгранные пластины, форма их насада – черешковая с «вислыми шипами» на плечиках (рис. 3, 22–23). В качестве аналогичных им указаны наконечники со стоянки Уи на Колыме (Пономаренко, 2000), где имеются

и более простые формы пластинчатых наконечников с частично ретушированным лезвием, которые представлены в IV слое стоянки Ушки II. Пришлифованное тесло с перехватом в комплексе с черешковыми пластинчатыми наконечниками имеется на стоянке Конго-78 на Колыме. С-14 возраст материалов стоянки Авача I по углю из кострища, раскопанного на глубине около 1 м, определен в 6180 л. н. (ГИН-8144а) (Пономаренко, 2000). Открытие стоянок Авача 1 и 9 на юге Камчатки подтверждает мезолитический возраст IV и III слоев ушковских стоянок. Отмечается культурная близость камчатского мезолита (или раннего неолита) с уолбинской традицией пластинчатых наконечников Верхней Колымы и Индигирки (Пономаренко, 2000; Пташинский, 2006).

Мезолитическое и раннеолитическое население Камчатки жило небольшими поселениями, в наземных жилищах типа чума, занимаясь охотой на таежных животных, а также рыболовством.

В *Прихотье* черешковые пластинчатые наконечники найдены на стоянках Кухтуй II в районе устья р. Кухтуй (Мочанов, 1977) и на стоянке Амка, в 60 км от побережья (Кашин, 2003). Помимо типичного, частично ретушированного по краям пластинчатого наконечника со стоянки Кухтуй II, на обеих стоянках найдены черешковые наконечники со «свисающими плечиками» (рис. 3, 4). На стоянке Амка также имеются ретушированные микропластинки и шлифованный по лезвию топор (тесло) с перехватом (рис. 3, 3, 5, 6).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные материалы показывают, что выделенный на Верхней Колыме раннеголоценовый комплекс с черешковыми пластинчатыми наконечниками (Слободин, 1996) получил широкое распространение на Северо-Востоке Азии, присутствует прямо или косвенно в материалах Чукотки, Якутии, Камчатки и может рассматриваться в качестве специфической уолбинской традиции пластинчатых наконечников, сформировавшейся здесь в первой половине голоцена, примерно 8800–6000 л. н. Уолбинская традиция характеризуется, помимо пластинчатых черешковых наконечников, развитой микропластинчатой индустрией с призматическими и коническими нуклеусами, частично шлифованными по двусторонне оббитыми топорами с перехватом, двусторонне обработанными наконечниками треугольной формы, концевыми скребками, ретушированными микропластинками. Объединение комплексов Северо-Востока Азии с черешковыми пластинчатыми наконечниками на основании сходных технико-типологических характеристик их камен-

ного инвентаря, периода существования и района распространения в отдельную технологическую традицию Северо-Востока России позволяет рассматривать их в рамках единой мезолитической раннеголоценовой традиции, дав ей название «Уолбинская» по месту обнаружения А. П. Окладниковым первых в Якутии пластинчатых черешковых наконечников.

Общие технико-типологические характеристики, время существования и территория распространения позволяют рассматривать этот культурный континуум в развитии от мезолита (стоянки Уи, Юбилейная возрастом 8800–8300 л. н. на Колыме) до раннего неолита (поздняя раннеолитическая ушковская культура возрастом 6200 л. н. на Камчатке).

На раннем этапе развития уолбинской традиции использовались частично ретушированные пластинчатые трапециевидные в поперечном сечении наконечники, у которых отжимной ретушью оформлялись только острие и черешок (стоянки Уи, Юбилейная, Конго-78, ИНГ-78); постепенно наконечники подвергались более полной обработке – дополнительно ретушировались один или оба края, вплоть до преобладания полной обработки, формирования треугольного поперечного сечения и появления на ее позднем этапе развития свисающих плечиков (стоянки Придорожная, Авача 1, 9).

Анализ раннеголоценовых комплексов Северо-Востока Азии в последних публикациях по этой теме проводится уже с учетом существования уолбинской традиции. И. Е. Воробей (1996) отмечает «синтетический характер» индустрии уолбинского комплекса Верхней Колымы в ряду других раннеголоценовых культур Северо-Востока Азии. В. В. Питулько (2003) рассматривает уолбинский комплекс в качестве «уолбинской фации сумнагинской культурной традиции», расширяя ее распространение, помимо уже обозначенных территорий Чукотки, Камчатки, Верхней Колымы и Восточной Якутии, и на территорию п-ова Таймыр, где пластинчатые наконечники найдены на стоянке Тагенар VI. Аналогии уолбинскому комплексу прослеживаются исследователями на Чукотке (Кирыяк, 2005) и на Камчатке (Пономаренко, 2000; Пташинский, 2006).

Происхождение уолбинской традиции пластинчатых наконечников на Северо-Востоке Азии пока не ясно. А. П. Окладников считал, что прототипы уолбинских наконечников попадали сначала в лесную зону Прибайкалья откуда-то из степей Евразии, скорее всего из Забайкалья и верховьев Амура, а оттуда в Якутию (Окладников, 1950).

Ю. А. Мочанов допускает возможность появления их в Якутии в ходе «древних связей, существовавших между населением северо-восточной Европы и северной Сибири» (Мочанов, 1977). Импульсы этих связей могли происходить от та-

ких раннеголоценовых культур с пластинчатыми черешковыми наконечниками, как, например, веретье (по стоянке Веретье I) (Ошибкина, 1997). В прилегающих к Северо-Востоку Азии регионах прямых параллелей с комплексами с пластинчатыми черешковыми наконечниками пока нет. Возможно, определенную роль в распространении этих наконечников к северо-востоку от Амура сыграла среднеамурская новопетровская культура пластин V тыс. до н. э. (Деревянко, 1970).

Для Камчатки Н. Н. Диков предполагал взаимодействие местных ранних послепалеолитических элементов и новых культурных импульсов, возникших «в результате дивергенции более широкой послепалеолитической «мезолитической» культурной общности Северо-Востока Азии» (Диков, 1979. С. 111).

Дальнейшее развитие каменных культур Колымы в неолите происходило отчасти под влиянием мезолитической уолбинской традиции. В. А. Кашин отмечает, что развитие раннеолитической культуры Средней Колымы шло «при активных этнокультурных контактах с племенами приленской сылахской культуры, а также с населением бассейна Верхней Колымы, которое уже в мезолите было вооружено черешковыми металлическими наконечниками на пластинах «уолбинского» типа (Слободин, 1999)» (Кашин, 2013). Также и в комплексах неолитических стоянок Ольского плато на Колымском нагорье отмечено появление частично обработанных черешковых наконечников (Слободин, 2001).

Пока еще не на все вопросы, связанные с развитием уолбинской традиции, имеются ответы, поэтому поиск новых памятников и детальное изучение уже известных является актуальной задачей дальнейших археологических исследований на Северо-Востоке Азии.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев А. Н., Кочмар Н. Н., Черосов Н. М. Основные итоги и задачи исследований археологической экспедиции Якутского университета // Археология Якутии. – Якутск, 1988. – С. 5–15.
- Аргунов В. Г. Каменный век северо-западной Якутии. – Новосибирск, 1990. – 213 с.
- Воробей И. Е. Раннеголоценовые индустрии Крайнего Северо-Востока Азии // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока. – Иркутск, 1996. – С. 56–58.
- Деревянко А. П. Новопетровская культура Среднего Амура. – Новосибирск, 1970. – 204 с.
- Диков Н. Н. Древние культуры Камчатки и Чукотки : автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Новосибирск, 1971. – 48 с.
- Диков Н. Н. К проблеме мезолита на Камчатке // Крат. сообщения Ин-та археологии. – 1977. – Вып. 149. – С. 120–124.
- Диков Н. Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии. – М. : Наука, 1979. – 352 с.
- Диков Н. Н. Археологическое прошлое обитателей Северо-Востока Азии // Северо-Восток России с древнейших времен до наших дней: новые экскурсии в историю. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 1996. – С. 13–31.
- Кашин В. А. Стоянка Юбилейный и ее место в культуре каменного века Якутии // Позднеплейстоценовые и раннеголоценовые культурные связи Азии и Америки. – Новосибирск, 1983. – С. 93–102.
- Кашин В. А. Палеолит Северо-Восточной Азии: история и итоги исследований. 1940–1980 гг. – Новосибирск : Наука, 2003. – 235 с.
- Кашин В. А. Неолит Средней Колымы : сб. тр. – Новосибирск : Наука, 2013. – 224 с.
- Кирияк М. А. Археология Западной Чукотки. – М. : Наука, 1993. – 224 с.
- Кирияк (Дикова) М. А. Каменный век Чукотки. – Магадан : Кордис, 2005. – 254 с.
- Кренке Н. А., Леонова Е. В., Мелекесцев И. В., Певзнер М. М. Новые данные по стратиграфии Ушковских стоянок в долине реки Камчатка // Рос. археология. – 2011. – № 3. – С. 14–21.
- Мочанов Ю. А. Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии. – М. : Наука, 1969. – 254 с.
- Мочанов Ю. А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. – Новосибирск, 1977. – 264 с.
- Мамонова Н. Н., Сулержицкий Л. Д. Опыт датирования по ¹⁴C погребений Прибайкалья эпохи голоцена // Совет. археология. – 1989. – № 1. – С. 19–32.
- Окладников А. П. Ленские древности. – Якутск, 1946. – Вып. 2. – 186 с.
- Окладников А. П. Вклад советской археологии в изучение прошлого северных народов // Уч. зап. ЛГУ. – 1950. – Вып. 1. – № 115. – С. 34–35.
- Окладников А. П. История Якутской АССР. – М. ; Л., 1955. – Т. 1. – 432 с.
- Ошибкина С. В. Веретье I. Поселение эпохи мезолита на севере Восточной Европы. – М. : Наука, 1997. – 204 с.
- Питулько В. В. Голоценовый каменный век Северо-Восточной Азии // Естественная история Российской Восточной Арктики в плейстоцене и голоцене. – М., 2003. – С. 99–145.
- Пономаренко А. К. Древняя культура ительменов Камчатки. – П.-Камчатский, 2000. – 312 с.
- Пташинский А. В. К вопросу о неолите Камчатки // Неолит и палеометалл Севера Дальнего Востока. – Магадан, 2006. – С. 78–86.
- Слободин С. Б. Раннеголоценовые комплексы Верхней Колымы и некоторые аспекты проблемы «мезолита» Северо-Востока Азии // Поздний палеолит – ранний неолит Восточной Азии и Северной Америки. – Владивосток : ИИАЭ, 1996а. – С. 204–212.
- Слободин С. Б. Стоянки каменного века Оханджийского археологического района // Археол. исследования на Севере Дальнего Востока. – Магадан : СВКНИИ, 1996б. – С. 77–115.
- Слободин С. Б. Археология Колымы и континентального Приохотья в позднем плейстоцене и раннем голоцене. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 1999. – 246 с.
- Слободин С. Б. Верхняя Колыма и континентальное Приохотье в эпоху неолита и раннего металла. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2001. – 202 с.

Слободин С. Б. Распространение обсидианового сырья на археологических памятниках Колымы, Камчатки и Чукотки (Северо-Восток России) // Экология древних и традиционных обществ. – Вып. 3. – Тюмень : Вектор Бук, 2007. – С. 136–140.

Томирдиаро С. В. Лессово-ледовая формация Восточной Сибири в позднем плейстоцене и голоцене. – М. : Наука, 1980. – 184 с.

Федосеева С. А. Древние культуры Верхнего Вилюя. – М. : Наука, 1968. – 172 с.

Федосеева С. А. Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. – Новосибирск, 1980. – 215 с.

Хлобыстин Л. П. Древняя история Таймырского Заполярья. – СПб. : Дм. Буланин, 1998. – 341 с.

Шер А. В. Природная перестройка в Восточно-Сибирской Арктике на рубеже плейстоцена и голоцена и ее роль в вымирании млекопитающих и становлении современных экосистем // Криосфера Земли. – 1997. – Т. 1. – № 1. – С. 3–11; № 2. – С. 21–29.

Goebel T., Waters M. R., Dikova M. The Archaeology of Ushki Lake, Kamchatka, and the Pleistocene Peopling of the Americas // Science. – 2000. – No. 3301. – P. 501–505.

Поступила в редакцию 22.05.2013 г.

UOLBA BLADE POINTS TRADITION (NORTH-EAST OF RUSSIA)

S. B. Slobodin

The paper generally characterizes Northeast Asia's Early Holocene Uolba Tradition, distinguished by the author basing on the materials he discovered and researched in the Upper Kolyma as well as on the analysis of other materials from Northeast Asia. The focus is on the history of this tradition research, specifically on the analysis of problems associated with its identification in the light of the previously obtained data on the prehistory of Yakutia, Chukotka, and Kamchatka. The author defines this tradition areal, its age, tool kit, and the most diagnostic artifacts. The Uolba materials are correlated with those from other Early Holocene cultures.

Key words: Uolba Tradition, Early Holocene, Mesolithic of the Northeast Asia, blade stemmed points, archaeology of the Kolyma, Yakutiya (Sakha), Kamchatka, and Chukotka.